

ДЖЕЙ ТОДД СКОТТ

ЦВЕТЫ МОЛНИИ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
С44

J. Todd Scott
SCAR THE SKY

Copyright © 2025 by Jeffrey Todd Scott
All rights reserved.

Скотт, Джей Тодд.
С44 Цветы молнии / Джей Тодд Скотт ; [перевод
с английского А. Патриной]. — Москва : Эксмо,
2026. — 384 с. — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры
о психологах-профайлерах).

ISBN 978-5-04-232444-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБО-
РОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНО-
ДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Семь лет назад школьную учительницу Энди уда-
рила молния – и она выжила. Но на коже остались
шрамы, похожие на ветви мифического дерева Игг-
драсиль. С тех пор ее мучают вспышки света, провалы
в памяти и ощущение, будто в тот роковой день в ней
что-то сломалось. Чтобы сбежать от непогоды, она
переезжает в сухую и солнечную пустыню Аризоны,
надеясь оставить прошлое позади.

И именно тогда по всей стране начинают нахо-
дить тела женщин, на коже которых те же следы элек-
трического разряда. Жуткие рисунки журналисты
называют «цветами молнии».

За расследование берутся бывшие агенты ФБР
Линнея Рен и Адан Рио. Чем глубже они погружаются
в дело, тем очевиднее становится: убийца выбирает
своих жертв не случайно. Он ищет выживших.

Пока детективы пытаются вычислить убийцу,
Энди понимает: она – следующая мишень.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-232444-4

© Патрина А., перевод на русский
язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Посвящается Дельсии
Добро пожаловать домой...

Вопреки расхожему мифу, молния
может дважды ударить — и ударяет —
в одно и то же место.

National Geographic

Гром среди ясного неба

На небе нет ни облачка, а в Энди Эллис вдруг ударяет смертоносный разряд молнии.

В десяти милях от Дюпона, в Баррентоне, идет мелкий дождь, из-за тяжелых свинцово-серых туч, обложивших все небо и плывущих на запад, почти не пробивается свет. Зато в Дюпоне, где рядом с полем для хоккея на траве стоит Энди, совсем ясно, и в зенит вошло жаркое августовское солнце, такое яркое, что без темных очков никак.

Голубые глаза прячутся за новыми стильными очками в роговой оправе и с бутылочно-зелеными стеклами, а сама Энди улыбается и смеется, хотя ее мучает легкое похмелье после вчерашнего забега по барам: спонтанно решили отпраздновать ее день рождения. Ей исполнилось двадцать шесть.

Вместе с Джойс Мадрас, лучшей подругой и тоже учительницей, она смотрит хоккей на траве: играет женская команда Дюпонской старшей школы. Энди шутит, причем отнюдь не безобидно, о другом коллеге, чудаковатом Максе Конрое, которого недавно

наняли на освободившееся место... И тут ее сердце пронзает разряд молнии: шириной в дюйм, скоростью 186 000 миль в секунду и температурой больше 55 000 градусов по Фаренгейту¹ — жарче палящего солнца.

Джойс позже скажет, что несколько мгновений — секунды две-три, не больше — изнутри Одри Энн Эллис пробивалось жуткое черное сияние.

Саму Джойс отбрасывает на четыре фута — волосы дымятся, кожу щиплет, в ушах звенит.

Почти всю одежду Энди — футболку с рок-группой *Halestorm* и шорты цвета хаки — разрывает прямо на ней, а айфон в заднем кармане сплавляется в бутристый комок из пластика, кремния и ионизированного стекла. Новенькие очки с хрустом ломаются, слетают с головы, а линзы покрываются сетью мелких трещинок. Стекло старых дедушкиных часов, в которых тот летал над Ханом, разбивается; стрелки бегут назад и замирают на двадцати девяти минутах третьего.

Разряд отшвыривает Энди в сторону, словно куклу; она падает и долго-долго неподвижно лежит ничком. Болельщики начинают истошно вопить и разбегаются врассыпную.

Один лишь Макс, чудаковатый учитель математики, только-только пришедший работать в Дюпон, не сетует к Энди. По слухам, в армии он научился делать непрямой массаж сердца. Руки дрожат, но он с силой надавливает на голую пепельно-серую грудную клетку Энди, где по коже расходятся красноватые фигуры

¹ Больше 30 500 °C. — Здесь и далее — прим. пер., если не указано иное.

Лихтенберга¹ — ожоги, тонкие ветвящиеся линии, напоминающие крону дерева.

На то, чтобы вернуть Энди с того света, Макс тратит две минуты двадцать девять секунд.

Наконец она выкашливает плотный кровавый комок пепла и дыма, сердце неохотно запускается, как двигатель старой колымаги, и в этот момент приезжает скорая. Под колесами гибнут брошенные стаканчики из-под напитков, солнечные очки и складные стулья.

Пока машина останавливается, Макс успевает стянуть с себя футболку, чтобы прикрыть голую Энди, и теперь держит девушку за трясущуюся руку.

* * *

Энди почти ничего не помнит, что происходило с ней сразу после «того случая», как его теперь называют, а о том немногом, что помнит, не хочет говорить.

Черный свет... непроглядный черный свет, словно умирающее темное солнце в сердце.

Проявляются все ожидаемые симптомы: боль и головокружение, слабость и судороги, постоянный шум в ушах, причем такой сильный, что заглушает даже свежие песни *Halestorm*, включенные на полную громкость, — ощущение, как будто звуки пробиваются через вату. Энди почти не спит и не может надолго сосредоточиться, а когда закрывает глаза, видит черно-белые вспышки, словно ее постоянно снимают на

¹ Ветвистые узоры на поверхностях диэлектриков (например, дерево), обнаруженные ученым Г.К. Лихтенбергом в 1777 году. — *Прим. ред.*

старую фотокамеру. Вспышки — как далекие молнии, мерцающие сквозь толщу облаков в жаркий день.

Черный свет.

Когда дотрагиваешься до кожи, она кажется скользкой, блестящей и неестественно натянутой, будто чужая. Сердце тоже ведет себя странно, словно бьется не в такт с окружающим миром.

В темноте и тишине квартиры Энди сидит в одиночестве и перебирает обуглившуюся, превратившуюся в лохмотья одежду, осторожно прикасаясь к сплавленным комкам, которые раньше были айфоном и дедушкиными часами — те навсегда замерли на двадцати девяти минутах третьего.

Она часто стоит обнаженная перед зеркалом в ванной, разглядывая шрамы от ожогов, разбегающиеся кружевной паутиной от изящного изгиба левой груди вниз, по всему телу. Энди проводит руками по причудливым петроглифам — фигурам Лихтенберга, так называемым цветам молнии. Даже спустя несколько дней, когда им давно пора было бы исчезнуть, до них по-прежнему слишком больно дотрагиваться. Десятки мелких ранок на пятках до сих пор кровоточат, как и парочка более крупных — круглых, как монетка, нежных на ощупь и достаточно глубоких, если провести пальцем.

Выключив свет в ванной и уставившись в темноте на себя голую, Энди готова поклясться, что сияет: «цветы молнии» распускаются на коже и мрачно мерцают.

Теперь безоблачное небо ее пугает, а если по прогнозу обещают дождь — она в слезы. Боится, что сходит с ума.

Энди ищет в интернете истории других людей, выживших после удара молнии, гуглит синдром Лаза-

ря — случаи, когда умершие вдруг неведомым образом воскресали, и продлевает просроченный рецепт на «Лювокс», чтобы унять расшалившиеся нервы.

Потом она начинает уголком глаза замечать эфемерные светящиеся точки — призраки, привидения, блуждающие огни... как ни назови. Постоянные спутники, от которых не отвяжешься, крошечные черные росчерки молний, которые никуда не исчезают.

Так проходит полгода. Отец Энди сбежал, когда ей было девять, а с мамой она давно не находила общего языка, поэтому легко отмахивалась от ее попыток поговорить. Впрочем, и мама объявлялась все реже. Быстро иссяк и поток щедрых подарков, и звонков от встревоженных друзей и знакомых, даже от Джойс Мадрас. И хотя администрация Дюпонской школы заботливо заверила Энди, что сохранит за ней место, когда бы та ни надумала вернуться к преподаванию, на самом деле мир спокойно живет дальше без нее, и она это прекрасно понимает.

О ней уже ходят байки, постепенно обрастая новыми подробностями, не имеющими ничего общего с реальностью, например с фигурами Лихтенберга на коже. Сочувствие превращается в жалость и горячий интерес, а факты — в вымысел, и в итоге Энди становится притчей во языцех, мифическим персонажем. Она уже и сама не может разобраться, чему верить.

Единственный человек, кто по-прежнему пытается ее поддержать, это Макс Конрой, хотя она и на его звонки не отвечает — до поры до времени. Однажды поздним вечером, когда на нее наваливается вселенская усталость, даже его голос приятнее шума в ушах, вспышек перед глазами и навязчивых мыслей. И наверное,

она перед ним в неоплатном долгу. Он ведь спас ей жизнь.

Макс коротко и крайне неохотно описывает, что видел, когда в нее попал разряд и ее сердце остановилось. А еще рассказывает, как пылала ее кожа, когда он впервые до нее дотронулся: Макса и Энди даже окутало исходящее от нее облачко пара. Макс на мгновение подумалось, привиделось или вообще приснилось, что тело Энди едва заметно содрогнулось, словно последний небесный разряд, пройдя через нее, перекинулся и на самого Макса. Неведомая мистическая цепь замкнулась и изменила в нем что-то, соединила его с Энди, и теперь его сердце бьется ради нее. Он клянется, что именно это и дало ему силы, чтобы ее спасти.

Макс восхищается, какой красивой она была, лежа на траве в огненном ореоле. Словно пылающий ангел, упавший с небес. Макс не считает себя человеком религиозным, нисколько не верит ни в бога, ни в какие другие высшие силы и вдруг цитирует Библию:

— Вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег...¹

Макс начинает называть ее своим сияющим ангелом. И хотя у них нет почти ничего общего, будь то любимые книги, фильмы, сериалы или музыка, политические убеждения, религия или искусство, и даже в возрасте у них ощутимая разница — все равно их теперь связывает прочная нить.

Жизнь Энди на какие-то минуты оказалась в его руках.

¹ Евангелие от Матфея, глава 28, стих 3 (русский синодальный перевод).

* * *

Ни Энди, ни Макс в Дюпонскую школу не возвращаются.

Энди не может или не хочет оправиться от сентябрьской травмы, от реальных или надуманных последствий, с которыми до сих пор вынуждена мириться. Макс единственный не уговаривает и не давит, чтобы она вылезла из скорлупы, а Энди зачастую ощущает себя не прекрасным сияющим ангелом, а скорее жалким светлячком, попавшим в стеклянную банку. Жизнь превратилась в постоянное мелькание всего и вся, хотя Энди практически безвылазно сидит дома. Ей нужна серьезная медицинская помощь, но Макс утверждает: то, что она перенесла и с чем имеет дело теперь, — настоящее чудо, переломный момент, какой неведом большинству людей. Они неспособны его оценить.

Однако Энди со временем обнаруживает, что не одна такая: есть небольшие группы и сообщества людей, принявших как данность, что современная наука и медицина могут объяснить отнюдь не все. Поэтому они в итоге смирились со своей неспособностью просто выздороветь или жить дальше как ни в чем не бывало.

Сообщества выживших.

И хотя Макс не нравится, что на электронную почту Энди сыплются горы писем и что она вздумала встречаться с совершенно незнакомыми людьми, через год после случившегося она продает машину и квартиру и вместе с Максом — они уже живут как семья — уезжает из Вирджинии на его белом «Гранд Чероки».